

ПРАВА

УДК 343.2+343.3/7

В. В. МАРЧУК

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ПОЗНАНИЮ

Белорусский государственный университет

(Поступила в редакцию 14.01.2014)

В юридической науке понятие правовой реальности (правовой действительности) стали использовать во второй половине 80-х годов XX века. Известный специалист в области общей теории права С. С. Алексеев рассматривал правовую действительность в контексте четырех взаимосвязанных групп явлений: явления-регуляторы, образующие основу и механизм регулирования (правовые нормы, правоположения практики, индивидуальные предписания, права и обязанности); явления правовой формы – нормативные и индивидуальные акты; явления правовой действительности – правотворчество, правоприменение, толкование; явления субъективной стороны правовой действительности – правосознание, субъективные элементы правовой культуры, правовая наука [1, с. 14]. Сходную трактовку правовой действительности давал Н. Неновски, который включал в ее содержание правосознание, правовые нормы, правообразование и правотворчество, реализацию права, правовое поведение, правовую активность и т. д. [2, с. 39–40].

При таком достаточно широком понимании правовой реальности есть основания утверждать, что квалификация преступления занимает в ее структуре значительное место. Квалификация преступления основывается на нормах УК и правоположениях судебной практики, которые требуют соответствующего толкования в процессе правоприменения. Официальная квалификация преступления осуществляется уполномоченными лицами на основе тех прав и обязанностей, которые обусловлены уголовно-правовым отношением. Результаты квалификации преступления закрепляются в соответствующих процессуальных актах. Известно, что на принятие любого правового решения оказывают влияние правосознание и элементы правовой культуры. Сама теория квалификации преступления (как совокупность правовых идей, правил, принципов и иных доктринальных положений) входит в качестве составного компонента в правовую реальность.

Любое специальное учение должно базироваться на определенных методологических предпосылках, выработанных философией. На важность основополагающих философских начал в праве обращают внимание многие авторы. В частности, белорусский ученый В. М. Хомич отмечает: «Основной постулат философского подхода к праву заключается в существовании высших, не зависящих от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок человеческих и общественных ценностей, которые наряду с нормативами, установленными государством (законодателем), действуют или должны действовать напрямую... Сказанное имеет самое непосредственное отношение к методологии уголовно-правовой доктрины. По нашему мнению, в методологическом отношении наука уголовного права не дорабатывает в рациональной и объективной оценке исходных потенциальных начал, которые включают в себе собственно уголовное право...» [3, с. 658–659].

Однако возникает вопрос о том, на каком философском подходе (подходах) должна основываться теория квалификации преступления. В. Н. Кудрявцев в качестве философской основы

квалификации преступления рассматривал диалектический метод и гносеологическую природу процесса применения уголовно-правовой нормы к конкретному случаю в основном видел в соотношении философских категорий единичного и общего [4, с. 43–48; 5, с. 33–38]. Следует заметить, что в последних работах, посвященных общим вопросам квалификации преступления, исследователи, за некоторым исключением [6, с. 108–116], стараются обходить вопрос о философской основе квалификации преступления. Объясняется это, видимо, проявившимся не без оснований в последние десятилетия критическим, а иногда и откровенно негативным отношением к материалистической диалектике. Вместе с тем в современных условиях вопрос о философской основе любой познавательной деятельности, в том числе и в процессе квалификации преступления, представляет научный интерес.

В настоящее время философская теория познания, лежащая в основе методологии правопознания, обращается к критическому переосмыслению классической парадигмы познания. Происходит переоценка статуса традиций и новаций, оснований познавательной деятельности, субъекта познания, расширяется спектр философской рефлексии в теоретико-познавательных системах, в том числе в философско-методологическом исследовании права [7, с. 377; 8, с. 415–416].

Понятие правовой реальности в последнее время стало достаточно активно использоваться в философии права, которая рассматривает ее в двух значениях. В широком смысле слова правовая реальность представляет собой всю совокупность правовых феноменов (норм, отношений, институтов и т.д.). В узком значении один из элементов правовой реальности воспринимается в качестве базового, а остальные – в качестве производных [9, с. 25]. Понимание правовой реальности в одном из указанных значений предопределяет методологию познания. Эту методологию в последнее время в философии права стали разделять на классическую и неклассическую. С. И. Максимов на основе проведенного им обобщения отнес к классической методологии три основных способа современного философского осмысления правовой реальности: 1) правовой позитивизм (на внешней стороне правовой реальности, совокупность норм, обеспеченных принудительной силой государства); 2) правовой объективизм (основан на социальной обусловленности права, его укорененности в жизни); 3) правовой субъективизм или классические концепции естественного права (базируются на идеально-моральной стороне права, на раскрывающейся в сознании субъекта идее права). В своей работе автор показывает достоинства и недостатки указанных философских подходов [10, с. 34–143].

В рамках позитивистского подхода к пониманию правовой реальности получил свое обоснование формально-догматический метод юридической науки. Этот метод достаточно широко используется в различных отраслях права, в том числе и уголовном, при разработке соответствующих нормативных правовых актов, логико-лингвистическом анализе смысла правовых норм, выяснения проблем законности и правопорядка. В целом, в философии позитивизма основным элементом правовой реальности признается императив (приказ), содержащийся в соответствующей правовой норме, обеспеченный силой государственного принуждения. Такой подход оказывает влияние и на науку, которая достаточно часто ограничивается описательно-комментарским объяснением существующей нормы права вне связи с иными явлениями правового характера. При позитивистском подходе к правовой реальности вопрос о сущности права фактически не ставится, поскольку право практически отождествляется с нормативным правовым актом. Несмотря на наличие определенных достоинств (строгость и определенность правовых формулировок, логичность, убедительность) позитивистский подход к пониманию права вызвал обоснованную критику. Позитивистов часто упрекают в том, что нельзя отождествлять право с нормой, поскольку право – явление более сложное и многогранное.

При объективистском подходе к пониманию правовой реальности (правовой объективизм) ее основу образуют общественные отношения, а иные явления правового порядка (нормы, правоприменение, правопорядок, правосознание и др.) признаются производными элементами. При наличии несомненных достоинств данного подхода, объясняющих влияние на право экономических и политических факторов (уровень развития экономических отношений, расстановка политических сил в парламенте, существующий политический режим и т. д.), правовой объективизм оказывается нечувствительным к проблеме справедливости, иным ценностным основаниям

права. Позиция «объективистов» не без оснований подвергается критике: право невозможно жестко детерминировать только социально-историческими и политико-экономическими факторами.

В рамках естественно-правовых концепций были сформулированы замечательные модели правового мировоззрения (от естественных прав человека до правовых идей правового государства). При естественно-правовом подходе к пониманию правовой реальности ее базовым элементом признаются правовые идеи, имеющие естественное (теологическое, рациональное, антропологическое) происхождение, которые лежат в основе возникновения норм права, правоотношений и иных элементов правовой реальности. Указывая на укорененность смыслов права в сознании в естественно-правовых теориях, обнаруживается некоторая оторванность провозглашаемых идей от реальной жизни. Кроме того, в учениях представителей естественно-правового подхода (Г. Гроций, И. Кант, Д. Локк, Б. Спиноза и др.) не проводится четкого разделения между некоторыми смежными явлениями: морали и права, права и свободы и т. д.

Указанные подходы со свойственными им методами, отражая классическое правопонимание, основаны на разделении сущности и существования, субъекта и объекта, субъективного и объективного, они исходят из внешней позиции исследователя, как наблюдателя. Украинский ученый А. В. Стовба выделяет две важные особенности, характеризующие методологические подходы «классиков» к пониманию правовой реальности: «выделение одного из элементов правовой реальности в качестве основного с последующим выведением из него всех остальных (в позитивизме – норма, в естественном праве – идея, в объективизме – отношение)» и «допущении «всезнающего субъекта», обладающего монополией на истинное знание о праве и, как следствие, на конструирование правовой реальности» (орган государственной власти (позитивизм), Бог, Абсолютный разум либо трансцендентальный субъект (естественно-правовой подход) [9, с. 31].

Классической методологии осмысления правовой реальности в философии права противопоставлен неклассический подход, основанный на преодолении односторонности других подходов – правовая intersубъектность или неклассические концепции естественного права (основаны на той смысловой стороне права, которая проявляется в процессе взаимодействия субъектов, их коммуникации и интерпретации). При этом позиция intersубъективности, исходящая из положения исследователя как участника правовых событий, реализуется в основном в феноменолого-герменевтической и коммуникативно-дискурсивной формах [11, с. 51–52].

С точки зрения неклассической методологии право – многогранный, постоянно меняющийся феномен, не имеющий единственного референта. Отсюда вытекает неизбежная множественность описаний и измерений права. По мнению И. Л. Честнова, «право – это текст (система знаков), конструируемый и воспроизводимый практиками (как поведенческими, так и ментальными) для людей, социализированных в соответствующей правовой культуре» [12, с. 27].

В рамках неклассической методологии С. И. Максимов предлагает рассматривать правовую реальность в ее широком значении: как совокупность всех правовых явлений (норм, правоотношений и т. д.). При этом заслуживает внимания и научного одобрения то обстоятельство, что к правовой реальности автор относит не только «правомерные явления», но и любые феномены, релевантные в правовом отношении – например, преступление. Подобный подход позволяет максимально исчерпывающе описать правовую реальность во всем многообразии ее проявлений. Все правовые феномены, составляющие правовую реальность, структурированы автором в статическом (естественное и позитивное право) и динамическом (идея права, закон, правовая жизнь) аспектах [10, с. 147, 177–181].

В отличие от классического подхода к пониманию права задачей неклассического подхода к праву является не только догматическое следование логическим правилам, но и попытка разработать иные мыслительные приемы для познания правовой ситуации. Их разработка предполагает присутствие правоведа в структуре правовой реальности. В этом ракурсе А. В. Стовба отмечает, что «процесс осмысления права является одновременно одной из разновидностей механизма его воспроизводства. Иными словами, неклассическое осмысление права не отделено от самого процесса сбывания осуществления права. Оно является одной из тех нитей, которые «сшивают» разрозненные составляющие правовой реальности (институты, нормы, действия и пр.) в нечто целое» [13, с. 62].

С правовой реальностью очень тесно связано понятие правовой ситуации. Ее определение лишено однозначности в силу различных методологических подходов в правопонимании. Так, С. С. Алексеев объясняет правовую ситуацию с позиции позитивного права и определяет ее как те жизненные обстоятельства, которые требуют применения права [14, с. 316–321]. При таком подходе право относительно правовой ситуации имеет внешний характер. Иной подход к пониманию правовой ситуации предложен в феноменолого-экзистенциальном направлении современной западной философии права. Интерес представляет позиция швейцарского экзистенциалиста Дж. Кона, который утверждает следующее: «Правовая реальность живет в конкретном частном случае, правовом конфликте и его разрешении... Собственным жилищем права является не норма, а конкретная ситуация, так как любая норма сперва должна еще доказать свою возможность быть применимой в каждом отдельном случае» [9, с. 21]. Дж. Кон не дает четкого определения правовой ситуации, но через правовую реальность он показывает те юридические координаты, в которой она находится. Должно быть событие (деяние), норма, распространяющая свое действие на это событие, предполагаются иные элементы правовой реальности.

Специфика правовой ситуации при квалификации преступления заключается в том, что помимо лица, совершившего преступление (преступник, тот, кто преступил, нарушил предел, установленный правом), и лица, которому причинен вред, требуется еще одно незаинтересованное и беспристрастное лицо, способное разрешить конфликт, породивший эту правовую ситуацию. К такому лицу – агенту правосудия – относятся не только должностные лица органов, ведущих уголовный процесс, но и защитники. Как отмечают некоторые российские правоведы, адвокат в известном смысле – это тоже прокурор, но не государственный, а частный, надзирающий за соблюдением прав того или иного частного лица [15, с. 462].

Таким образом, к правовой ситуации при квалификации преступления следует относить порожденное преступлением состояние, при котором уполномоченные лица в условиях существующей правовой реальности должны дать социально-правовую оценку совершенному деянию. Разумеется, сама по себе квалификация преступления еще не разрешает возникшую правовую ситуацию. Но она во многом предопределяет те негативные последствия, которым должен быть подвергнут преступник на следующем этапе правоприменения – этапе, который связан с назначением и исполнением соответствующей меры уголовной ответственности.

В постклассической методологии предлагаются различные методы изучения правовой реальности: дискурс-анализ, концепция социальных представлений, метод включенного наблюдения, программа социального конструктивизма и др. [16, с. 186]. Но для квалификации преступления наибольший интерес представляет методологический опыт, накопленный в рамках философской герменевтики и феноменологии.

Следует отметить, что в советский период герменевтика и феноменология, как и некоторые другие учения, были незаслуженно преданы забвению. Вместе с тем в эпоху господства материалистической диалектики некоторые ученые, изучавшие структуру и функции познавательной деятельности, в своих исследованиях фактически руководствовались познавательными процедурами, которые были разработаны философами-герменевтами, в том числе это проявлялось и в исследованиях по уголовному праву. К примеру, открываем книгу И. И. Горелика и И. С. Тишкевича «Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного суда БССР» (1976 г.). Пик застоя! На первой странице этой книги в качестве эпиграфа воспроизведены слова известного криминалиста советского периода М. Д. Шаргородского: «В своей деятельности, толкуя законы, применяя действующее законодательство, суд должен стремиться установить не волю закона, что пропагандирует нормативная теория права, не волю законодателя времени издания закона, что никогда не может привести к правильному решению конкретного вопроса, а то, что фактически всегда имело и имеет место: закон толкуется и должен толковаться в соответствии с волей законодателя времени применения закона» [17, с. 3]. Но ведь это же есть ни что иное, как идея родоначальника герменевтики – немецкого ученого Х.-Г. Гадамера: «Тот, кто стремится привести смысл закона в соответствие с современностью, должен прежде всего знать его первоначальный смысл... Чтобы точно установить нормативное содержание закона, требуется историческое познание первоначального смысла, и лишь ради этого последнего толкователь-юрист принимает

в расчет историческое значение, сообщаемое закону самим законодательным актом. Он не может, однако, полагаться исключительно на то, к примеру, что сообщают ему о намерениях и помыслах тех, кто разработал данный закон, протоколы парламентских заседаний. Напротив, он должен осознать произошедшие с тех пор изменения правовых отношений и соответственно заново определить нормативную функцию закона» [18, с. 385–386].

Синтезированные в рамках феноменолого-герменевтического подхода достижения отдельных герменевтических дисциплин и обобщения отдельных философов-герменевтов и феноменологов могут быть использованы в любой познавательной деятельности, в том числе и в юриспруденции. Так, филологическая герменевтика дала правведению важный прием толкования уголовного закона (лингвистическое (текстовое) толкование). В рамках исторической герменевтики выработан способ толкования, позволяющий интерпретировать юридический текст в историческом контексте. Кроме того, не следует забывать, что многие герменевтические методы и процедуры познания возникли и сформировались в рамках специальных герменевтик. Например, метод герменевтического круга (важный для задач, стоящих перед юриспруденцией) был разработан в недрах теологической герменевтики. Х.-Г. Гадамер герменевтическую проблему видел в единстве, в котором «юрист и теолог встречаются с филологом» [18, с. 388].

Суть герменевтического процесса выражается в универсальной формуле, выведенной Х.-Г. Гадамером: познавательный процесс в контексте философской герменевтики выражается в триединстве герменевтических процедур «понимание – интерпретация – аппликация» [18, с. 365–403]. Эти герменевтические процедуры, имея в любом познавательном процессе универсальный характер, в теории квалификации преступлений образуют гносеологическую формулу «понимание – толкование – применение». Следует отметить, что в рамках герменевтического учения аппликация (применение) рассматривается совсем в ином ракурсе. Х.-Г. Гадамер отмечает: «Аппликация – это не приложение к конкретному случаю некоего всеобщего, которое было изначально дано и понято само по себе, но аппликация и есть действительное понимание самого всеобщего, которым является для нас данный текст. Понимание оказывается родом действия (*Wirkung*) и познает себя в качестве такового» [18, с. 402–403]. В этом суждении Х.-Г. Гадамера заложен глубинный смысл, позволяющий по-иному посмотреть на суть применения уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступлений. При таком подходе аппликация (применение) выступает не в качестве какой-то самостоятельной стадии реализации правовой нормы. Задача понимания и истолкования, как отмечает Х.-Г. Гадамер, – это «суть задача конкретизации закона в том или ином случае, то есть задача аппликации» [18, с. 389]. Применение в таком случае определяет феномен понимания и интерпретации во всем их объеме. При таком подходе текст уголовно-правовой нормы не рассматривается как то самое «всеобщее», которое затем лишь используется уполномоченным лицом для применения к особенному. Применение нормы уголовного закона в герменевтическом аспекте выступает в качестве его практического понимания [19].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что современные представления в теории познания строятся на разных философских методологиях понимания правовой реальности. Познание истины невозможно без изучения и использования опыта различных философских направлений. В контексте осмысления классической и неклассической методологий познания особый научный интерес представляют достижения философской герменевтики и феноменологии. Сконцентрировав в себе достижения исторически сложившихся герменевтических дисциплин и отдельных научных представлений философов, герменевтика и феноменология сформировали понятийный аппарат, который может быть использован во многих сферах познавательной деятельности. Он может быть применен в качестве методологической основы и для совершенствования гносеологического инструментария квалификации преступления.

Литература

1. *Алексеев, С. С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Сов. государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–17.
2. *Неновски, Н.* Право и ценности / Н. Неновски. – М.: Прогресс, 1987. – 90 с.
3. *Хомич, В. М.* Принцип нормализации базовых начал (институтов) уголовного закона и «новая» кодификация / В. М. Хомич // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию

проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Рос. конгресса уголовн. права (30–31 мая 2013 г.); отв. ред. В. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 656–659.

4. *Кудрявцев, В. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.

5. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификация преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 2004. – 304 с.

6. *Сабитов, Р. А.* Теория и практика уголовно-правовой квалификации: науч.-практ. пособие / Р. А. Сабитов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 592 с.

7. *Микешина, Л. А.* Философия познания / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

8. Философия: учеб. пособие / В. С. Степин [и др.]; под общ. ред. Я. С. Яскевич. – Минск, РИВШ, 2007. – 624 с.

9. *Стовба, А. В.* Правовая ситуация как исток бытия права / А. В. Стовба. – Харьков: ЛЛС, 2006. – 176 с.

10. *Максимов, С. И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления / С. И. Максимов. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.

11. *Максимов, С. И.* Концепция правовой реальности / С. И. Максимов // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: СПД ФО Тарасенко В. П., 2013. – С. 31–61.

12. *Честнов, И. Л.* Эффективность права с позиции постклассической методологии / И. Л. Честнов // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А. В. Савенок (пред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД, 2013. – С. 21–31.

13. *Стовба, А. В.* Классическая и неклассическая философия права: онтология и методология А. В. Стовба // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А. В. Савенок (пред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД, 2013. – С. 58–64.

14. *Алексеев, С. С.* Линия права. Отдельные проблемы концепции / С. С. Алексеев // Собрание соч.: в 10 т. – М.: Статут, 2010. – Т. 5. – 549 с.

15. *Воробьев, А. В.* Теория адвокатуры / А. В. Воробьев, А. В. Поляков, Ю. В. Тихонравов. – М.: Грантъ, 2002. – 496 с.

16. *Честнов, И. Л.* Диалогическая концепция права / И. Л. Честнов // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. – Харьков: СПД ФО Тарасенко В. П., 2013. – С. 160–193.

17. *Горелик, И. И.* Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного суда БССР / И. И. Горелик, И. С. Тишкевич. – Минск: Вышэйш. школа, 1976. – 240 с.

18. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонов. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

19. *Марчук, В. В.* Применение уголовно-правовой нормы как практическая сторона понимания и толкования в процессе квалификации преступлений / В. В. Марчук // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр.; редкол. А. В. Барков [и др.]. – Минск: БГУФК, 2010. – С. 141–148.

V. V. MARCHUK

QUALIFICATION OF CRIMES AS A LEGISLATIVE REALITY COMPONENT: PHILOSOPHICAL APPROACHES TO ITS PERCEPTION

Summary

Theory of crimes qualification has been considered by the author as a part of the legal reality. The article describes concept of the legal situation and reveals its specificity in process of the crimes qualification. Also it marks features and shortcomings of approaches to understanding the legal reality in the classical philosophical methodology. Particular attention has been paid to non-classical philosophical approaches to understanding the legal reality in the process of crimes qualification, mostly phenomenological-hermeneutical approach.